

Публикации аспирантов

УДК 482

Анисимова Д.А.

Московский государственный областной университет

СИСТЕМА ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В «ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО»

D. Anisimova

Moscow State Regional University

THE PAST FORMS SYSTEM IN THE «LIFE OF THEODOSIUS PECHERSKY»

Аннотация. Статья посвящена анализу системы глагольных форм прошедшего времени, представленной в памятнике книжно-славянской письменности конца XI - XII вв. «Житии Феодосия Печерского» и являющейся одним из важнейших критериев грамматической нормы литературного языка донационального периода. Строгая церковнославянская норма предполагает сохранение в языке памятника всех форм прошедшего времени праславянской системы в исконных значениях. Отражение в тексте следов разрушения этой системы, произошедшего в живом языке восточных славян, является свидетельством снижения строгой нормы.

Ключевые слова: норма литературного языка донационального периода, строгая норма, сниженная норма, аорист, простой аорист, сигматический не-тематический аорист, сигматический тематический аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the verbal past forms system represented in the studied Slavonic literary monument of 11-12th centuries "Life of Theodosius Pechersky". The named system is one of the most important criteria of the literary language grammatical standards of the pre-national period. Strict Old Church Slavonic standard assumes that all the Proto-Slavic past forms are maintained in their original meanings in the literary monument's language. The destruction of such system in text which happened in the live language of the Eastern Slavs is the evidence of the loosening of the strict standard.

Key words: literary language standard of the pre-national period, strict standard, substandard, aorist, simple aorist, sigmatic non-thematic aorist, sigmatic thematic aorist, imperfect, perfect, plusquamperfectum.

Язык книжно-славянских памятников древнерусской письменности XI – XIII вв. отражает сложную систему глагольных форм прошедшего времени, в целом совпадающую с системой форм прошедшего времени старославянского языка и унаследованную из одного из праславянских диалектов. Данная система включает две синтетические формы прошедшего времени (аорист и имперфект) и два аналитических образования (перфект и плюсквамперфект).

В исторической грамматике существует точка зрения М.Л. Ремнёвой, Б.А. Успенского, Г.А. Хабургаева и др., согласно которой ко времени древнейших дошедших до нас восточ-

© Анисимова Д.А., 2012.

нославянских памятников письменности исходная система прошедших времён в живой речи была разрушена: простые претериты утратились, а универсальной формой выражения значения прошедшего времени стала причастная форма с суффиксом -л.¹ Таким образом, использование в памятниках различных жанров форм аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта в изначально свойственных им значениях свидетельствует о выученности писца, о реализации в тексте «нормы, которая формально сохраняется как результат действия традиции, как признак литературного языка» [13, с. 74].

Следовательно, функционирование системы прошедших времён в памятниках книжно-славянской письменности является одним из критериев грамматической нормы, тип которой варьируется в текстах разной жанровой принадлежности от строгого до сниженного.

В «Житии Феодосия Печерского» (**Житиѣ прѣданаго оца нашего ѿѿѿдосна • игоумѣна печерьскаго** // Успенский сборник / Под ред. С.И. Коткова. – М., 1971) обнаруживаются все указанные формы исходной системы претеритов древнерусского языка.

Аорист – форма простого прошедшего времени, которая образуется от основы инфинитива глагола суффиксальным способом. Формальным показателем сигматического нетематического аориста является суффикс **с//х//ш**, присоединяемый к основе, которая оканчивается на гласный (в форме 2 и 3 лица единственного числа – чистая основа инфинитива). Сигматический тематический

аорист образуется от основы инфинитива глагола на согласный при помощи тематического гласного. Таким образом, суффикс данной формы в древнерусском языке имел вид **ос//ох//ош** (во 2 и 3 лице единственного числа суффикс отсутствует, к основе инфинитива присоединяется окончание -е).

Наиболее частотными в тексте Жития являются формы следующих видов аориста:

1. Сигматический аорист от основы на гласный:

1 л. ед. ч.: **И въписахъ на память всѣмъ почитающимъ ѿ** (83);

1 л. мн. ч.: **Се же оуже многими наказани предъложени слову створихомъ** (86);

3 л. ед. ч.: **Отъѿ желѣзо ѿт чреслъ кго** (79);

3 л. мн. ч.: **И кѣлико скърби и печали приаша** (86);

3 л. дв. ч.: **Родиста же ... дѣтища** (73).

2. Сигматический аорист от основы на согласный:

1 л. ед. ч.: **И се ги оученици мои се во снѣги приведохъ** (74);

3 л. мн. ч.: **ѿѿдосна • игоумънъмъ себе нарекоша** (88);

3 л. дв. ч.: **Принесоста и къ стѣлю бжю** (73).

3. Простой аорист (формы 3 л. ед. ч.):

Бжени же рече къ неи (82); **И облече и въ мѣнишьскою одежу** (80); **И се вълезе свѣтълъ отрокъ** (101).

В отдельных случаях аористные формы 3 л. ед. ч. имеют вторичную флексию -сть (атематические глаголы):

Тоу же превысть въ немъ до оутрънаа млтвы творѿ (90); **Тако превываше таче съньмъ ю ѿтдасть ю нищимъ** (78); **Вдасть же кмоу и ѿдежу свѣтлоу** (78) и т.д.

или -тъ (тематические глаголы):

Оцъ кго житию коньць приатъ (75); **ѿтголъ же начатъ на троуды паче подвижнѣи бывати** (75) и т.д.

Формы со вторичным -тъ (-сть) характерны для старославянских памятников письменности, а наличие у глагола -тъ (-сть) является специфической восточнославянской чертой.

¹ Вопрос о времени разрушения старой системы прошедших времён остаётся дискуссионным. Так, П.С. Кузнецов не видел достаточных доказательств для того, чтобы говорить о ранней (до начала письменного периода) утрате аориста и имперфекта в языке восточных славян [8, с. 230]. Более позднее исчезновение простых претеритов из живой речи предполагают В.В. Колесов [7, с. 281] и П.Я. Черных [17, с. 236-240]. Р.И. Аванесов и В.В. Иванов относят окончательное вытеснение простых претеритов причастиями на -л к XIV в. [6, с. 92]. Компромиссным является мнение А.А. Зализняка о том, что не позднее XII в. формы простых прошедших времён перешли в сферу пассивного знания, но понимались носителями языка и использовались при создании текстов книжно-славянской письменности [5, с. 155-156].

Большая часть аористных форм выражает в тексте значение действия, совершённого до момента речи, не связанного с настоящим, «представляемого как единый, нерасчленённый акт» [2, с. 299]. Например:

Мти кго ... не оврете кго (78); Пресели сиа шт пещеры • съ братию на мѣсто то (89); Съ мирѣмъ оустѣ (83); И николи же въпаде о томъ въ печаль (88) и др.

Посредством форм аориста может выражаться значение последовательно сменяющихся друг друга действий:

Бжѣствьныи оуноша ... поклони сиа имѣ • и любѣзно цѣлова иа • и въпроси иа отъкоуду соутѣ (75); Възложи на нозѣ кго желѣза ти так повелѣ кмоу ходити (76).

В отдельных случаях аористные формы выражают перфектное значение:

Сѣдѣшу же кмоу иак же рече сиа и се слышааше гласѣ (90).

А также обозначают действия, совершённые до проявления другого действия, что свойственно плюсквамперфектным образованиям:

Гѣнаста поутѣ мѣногѣ • ти так пристигѣ ша иаста и • ... имѣши и за власы и поврѣ и на земли (76).

Употребление форм аориста в перфектном и плюсквамперфектном значении отмечается в старославянском языке [1, с. 281, 382], а также в ранних памятниках древнерусской письменности и не противоречит книжной традиции [9, с. 195].

Употребления форм аориста в ином, изначально не свойственном ему значении в тексте не зафиксировано. Исключение составляют случаи использования формы сигматического нетематического аориста с «имперфектной» основой:

Въ томъ вѣста родителя стѣго • въ вѣрѣ крѣстианьстѣи живоуща (73); Бѣша идоуще поутѣмъ тѣ • коупци (79): здесь глаголы обозначают продолжительное, не ограниченное пределом действие, совершавшееся в прошлом.

В отдельных случаях значение аориста могут выражать причастия. Например:

Аще бо кто и не видѣвъ иа ... то начынаше мынѣти моужа ю соуща (75);

Аще къде видѣвъше такого отрока • да пришѣдѣше възвѣстити мѣри кго (81).

Имперфект – форма простого прошедшего времени, образующаяся от основы инфинитива глагола с помощью суффикса ах (иах) // аш (иаш).

В тексте «Жития Феодосия Печерского» представлены стяжённые и нестяжённые формы имперфекта. Нестяжённые формы употребляются достаточно редко:

3 л. ед. ч.: И иак отъхожааше отъ нихѣ (85); Феодоси ... всиа пресѣвааше (87); И дѣлааше по обычаю дѣло своѣ (78); къ симѣ же пакы бжѣствьныи оуноша мысleaаше • как и кымъ образѣмъ спсѣти сиа (75);

3 л. мн. ч.: Бо шт того отъхожааху • ти так пакы приношааху кмоу нѣчь то мало отъ имѣни своихѣ (93) и др.

Большая часть форм имперфекта выступает в восточнославянском, стяжённом написании:

3 л. ед. ч.: И того ради не тѣрпаше без него (76); Нѣ ни так не почиваше врагѣ (326); Сидаше приады вълноу (87);

3 л. мн. ч.: Дроугоици же въ оградѣ копаху тъ (87) и т.д.

Только у стяжённых форм sporadически (9 раз) появляется флексия -тъ в 3 лице:

ед. ч.: И идашетѣ въ слѣдѣ ихѣ издалеча не павлаи са имѣ (79);

мн. ч.: Рави и равыниа плакаху тъ сиа гѣ свогѣ (85); Пребываху тъ въ любѣви бжи (87); Бочива въкоушаху тъ (87) и др.

Существует несколько теорий¹ по поводу происхождения данных форм, употребление которых «в древнерусский период стало, по видимому некоей письменной традицией» [10, с. 202]. А. Тимберлейк, В.М. Живов отмечают появление -тъ в 3 лице имперфекта преимущественно перед энклитическими местоимениями. В «Житии Феодосия Печерского» данная закономерность не наблюдается, за исключением одного примера:

Многю же скръбѣ и мчатаник зѣли доуши творяху тъ кмоу въ пещерѣ тои (90).

¹ См.: [Живов 2006, с. 200 - 224], [Жолобов 2009], [Колесов 2008, с. 307], [Тимберлейк 1997, с. 71, 76], [Успенский 2002, с. 188].

Необходимо отметить, что во всех случаях употребление форм перфекта сопровождается отсутствием формально выраженного подлежащего, т. е. личная форма, в которой выступает вспомогательный глагол, обозначает лицо действующего субъекта. Исходное значение глаголов в форме перфекта – результат действия, совершённого в прошлом, – сохраняется во всех случаях.

Дважды перфект употребляется без вспомогательного глагола:

**И никто же приходилъ къ нимъ (101);
Повѣлачило сѧ нбо и съниде дъждъ (131).**

Опущение глагольной связки в тексте возможно только в форме 3 л. ед. ч., что соответствует ранней книжной традиции древнерусского языка [2, с. 309].

Глаголы в форме плюсквамперфекта, образующейся сочетанием вспомогательного глагола **быти** в имперфекте или в аористе с «имперфектной» основой и причастия на **-а**, последовательно употребляются в тексте в своём исходном значении (действие, предшествующее другому действию). Например:

3 л. ед. ч.: **Не бѣ во никомъ же о томъ възвѣстилъ (106); И тако бѣ оградилъ всѧ области кго монастырьскыѧ (120); Бѣ во оуже съвъкоупило сѧ братиѧ (86)** и т. д.

Таким образом, в «Житии Феодосия Печерского» последовательно и правильно используются все формы древней системы прошедших времён глагола. Случаи «аномального» употребления простых претеритов (вторичные флексии **-сть** и **-тъ (-ти)** в аористе и имперфекте, смешение форм аориста и причастий, выражение аористными формами перфектного и плюсквамперфектного значения), в ограниченном количестве представленные в тексте, могут свидетельствовать об отсутствии данных форм в живой речи писца, но являются характерной чертой церковнославянского языка русского извода и не противоречат строгой норме [16, с. 220-221]. «Отклонение от книжной нормы» [16, с. 247-249] – пропуск вспомогательного глагола в формах перфекта – минимально (0,8 %), т. е. по данному критерию текст реализует строгую церковнославянскую норму литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – 446 с.
2. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М.: Высш. шк., 1981. – 359 с.
3. Живов В.М. Восточнославянское правописание XI - XIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 312 с.
4. Жолобов О. Ф. Динамика глагольных форм в корпусе древнерусских учительных сборников // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 152. – Кн. 1.
5. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М.: Языки славянской культуры, 1995. – 720 с.
6. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р. И. Аванесова, В.В. Иванова. – М.: Наука, 1982. – 436 с.
7. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. – Л.: Факультет филологии и искусств. – СПбГУ, 2008. – 512 с.
8. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. – М.: Издательство Московского университета, 1953. – 357 с.
9. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. – М., Изд-во АН СССР, 1959. – 276 с.
10. Пономаренко Т.О. Языковые особенности «Жития Нифонта» 1222 г.: Дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 245 с.
11. Прокопова Т.И. Глагольная категория времени // Древнерусский язык домонгольской поры: Межвузовский сборник. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 214 с.
12. Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. – М.: Филология, 1995. – 400 с.
13. Ремнёва М.Л. Литературный язык Древней Руси. Некоторые особенности грамматической нормы. – М.: Издательство Московского университета, 1988. – 144 с.
14. Серёгина Е. Е. Прошедшее время глагола в древнерусском тексте: грамматическое значение и литературная формула: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 142 с.
15. Тимберлейк А. Акугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания. – № 5. – 1997.
16. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI –XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.
17. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для пед. и учит. ин-тов. – М., Учпедгиз, 1952. – 312 с.